

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Осипов

ГВОЗДЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Явление Горбачева никто не предполагал. Никто не надеялся, что плесень застоя сдует такой порывистый шквал перемен. Некоторые даже сопоставляют настоящее время с семнадцатым годом. Говорят о Второй революции в России. Как знать: ломка форм власти и собственности не заслоняет по важности ломку в сердцах и душах людских, в которой, собственно, и призывает Горбачев и его ближайшие соратники. Заявлено во весь голос: страна находилась в предкризисном состоянии. Не только качество продукции и производительность труда, упало все. Социализм распивался и разворовывался. Высокие слова не покидали полотнищ и фанерных щитов. Каждое предприятие, хотя бы и убыточное и бракодельное, каждое НИИ с нулевой отдачей алели лозунгами и призывами, что они молоды и будут молодцами. А кого смущал разлад между словом и делом, между совестью на фанере и совестью в душе, тех одергивали, клеймили, а самых неутомных судили за клевету. Недаром после январского пленума, провозгласившего демократизацию всерьез и надолго, были освобождены сотни политзаключенных. Утверждают, что многих освобождали, так сказать, под расписку: "впредь не нарушать законность". Если это так, то новое руководство должно ценить расписки этих честных и мужественных людей, не побоявшихся сесть за правду. Ведь они — векселя политическому курсу Горбачева. Брежневу таких расписок не давали. Люди поверили, что на этот раз не будет обмана. Ум, сердце, личное обаяние, каковыми не обладал ни один лидер на Руси за последние 60 лет, конечно, сыграли свою роль. Но тем больше спроса с такой личности.

Спротивляясь курсу январского пленума, ведомственная бюрократия "отстояла" замки на камерах узников: остаются в неволе, например, так называемые рецидивисты /рецидив совести!/, повторники.

Надо отдать должное новому руководству: сразу после Января, в подтверждение курса "демократизм — суть перестройки", были не только раскованы живые узники, но и освобожден от анафемы покойный Пастернак, реабилитировано творчество Платонова, Гумилева, Шаламова, затравленного Хрущевым Жудинцева. Поток очистительной литературы прокатился по нашей периодике. Публично были даны резко-критические оценки серым десятилетиями сложившейся административной, экономической и нравственной системе /Залыгин, Бовин, Попов, Шмелев/. Громко заговорила о себе либеральная тройка: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Оказалось, что ещё 30 лет назад они ратовали за перестройку. Что пришел их час. Вышли на публику поклонники рок-музыки, и сама "Комсомольская правда" теперь им чуткая сестра.

При всей отрадности начавшихся перемен тревожит явный крен в одну сторону. Крен, отмеченный на апрельском пленуме правления Союза писателей. Поэт Станислав Куняев назвал имена тех, кого в нашей печати атакуют сегодня чаще всего. Это — Белов, Астафьев, Солоухин, Бондарев, Лобанов, Юрий Кузнецов, Лошиц. Их бьют за "почвенность", за уважение к земле и традициям, к исторически сложившейся нравственности народа. За то, что хотят не стереть, а развить его самобытную духовность. Куняев сообщил, что после критической кампании, организованной против них, Кожин, Лобанов, Любимов, Лошиц стало трудно печататься. "Их ответы в свою защиту, объясняющие их позицию, — а каждый из них такие ответы писал — нигде не были напечатаны. Разве это демократия и гласность?"

Сложилось так, что одно направление — условно назовем его "евтушенковским" — монополизировало почти всё прессу, всю печать /за исключением одиозного, как зубр, "Нашего современника", да в некоторой степени "Советской России"/. Заполонило радио и телевидение.

Не дают оправдаться оболганной "Памяти". Защитникам памятников природы и трезвости подкидывают дохлую кошку антисемитизма. Никто из членов общества "Память", даже самые горячие и темпераментные, не хулил еврейскую нацию. Некоторые выступали /может быть, чересчур запальчиво/ против ИДЕОЛОГИИ МАЛОЙ ЧАСТИ еврейского народа, но никто — против евреев как таковых. Кому понадобилась эта ложь, это улюлюканье и моральный террор? Первые плоды налицо: сразу после газетных памфлетов исключен из партии, т.е. предан гражданской казни, активист "Памяти" К.Андреев. Так мы учимся демократизму. Учимся гласности и терпимости. Так понимаем идейный спор, так ведем полемику. Полемику с оргвыводами и угрозой тюрьмы. Один подписчик "Комсомольской правды", насытившись клеветой, потребовал даже засадить тех, кого подала газета. И мы еще уверяем, что нам антипатичен культ личности! Да в каждом из нас сидит Ежов! Ибо хотим демократии для себя, для своего клана, т.е. фактически жаждем произвола, самодурства. Убожество холопов, научившихся выговаривать: "конвергенция" и "плюрализм". Что ж: сегодня расправимся с "Памятью", а завтра будем травить Шмелева за его критику нашей системы? Стоит только начать, уважаемые граждане демократы. Вот ведь и рок-музыка претит многим. Так называемые металлисты прямо называют себя сатанистами. Их "песни" то и дело славят дьявола. Адвокаты рока говорят: мы же атеисты, ни во что не верим, нечистый — у них — это "просто так", для красного словца. Красное слово? Увы, все отлично понимают /и атеисты, и верующие в равной степени/, что

быть сатанистом — значит отвергать любую мораль /и "буржуазную", и "социалистическую"/, любые законы и правила, быть бесчеловечным, вырабатывать из себя злодея. У нас возникла непостижимая ситуация: патристическое общество, ратующее за моральную чистоту, за верности отцам и отечеству, подвергается граду проклятий, а объединения безродных циников, поклонников порока и зла всячески культивируются и опекаются. Кстати, опекаются той же самой сестрой — "Комсомолкой", которая зовет к погрому "Памяти". И на такой основе будем ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ?

Да неужели не ясно, как Божий день, граждане демократы и бюрократы, что только патристическое сознание, только устойчивая мораль может быть опорой перестройки?! Пестуем нигилистов, поклонников трин-травы и тревожимся, как, например, один ответственный товарищ, "оживлением национальных и религиозных идей". Бесовщина не пугает, религиозность бросает в дрожь. А чем же так опасна религиозность, дорогой товарищ? В своей не очень гладкой жизни я встречал верующих разных направлений: православных, истинно православных, католиков, баптистов, пятидесятников, иеговистов. Самая яркая их общая черта — предельная добросовестность в труде. Контролер ОТК им не нужен. У них никогда нет брака в работе, нет халатности и безответственности. Если изделие сделал верующий, то это изделие отличного качества. Не потому ли у нас в стране так снизилось качество изготавливаемой продукции, что снизился процент верующих? Верующие — не только самые добросовестные работники, но и самые добросовестные граждане, самые законопослушные.

Сегодня верующие могли бы стать надежной опорой перестройки. И не надо тревожиться по поводу "оживления религиозных идей". У нас, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, 40 миллионов хронических алкоголиков и пьяниц. Это надежный резерв атеизма. Не стоит бояться: верующих в стране только ПЯТАЯ часть /тех, кто по мнению советских социологов, не скрывает от окружающих своей веры/. Но эта пятая часть населения тоже должна иметь свои права. Демократия должна существовать для всего народа, в том числе и для верующего народа. И верующие должны иметь равные права с неверующими.

А пока верующие ущемлены почти во всем. Во-первых, они все за пределами КПСС, ибо КПСС, в противовес линии многих компартий мира, в противовес политике большевистской партии времен Ленина, не принимает в свои ряды верующих. Значит, они не могут занимать ответственных мест в государстве и обществе. Видел ли кто-нибудь верующего директора завода? Верующего председателя райисполкома или хотя бы

сельсовета? Верующего депутата кто-нибудь встречал? В послевоенные годы наши агитпункты пестрели плакатами: "Голосуйте за кандидатов блока коммунистов и беспартийных!" Давно не видно этого лозунга. Много ли беспартийных в нашем Верховном Совете, в других органах? Мастером на заводе уже ставят партийного. Самую малую должность "должен" занимать член партии, т.е. безбожник. Есть, конечно, верующие коммунисты. Об этом говорят факты отпевания членов партии в церкви по их завещанию. Мы знаем таких крупных руководителей, как, скажем, Булганин и Маленков, ревностно верующими на пенсии. Но не только главой правительство, главой колхоза не стал бы ни один, покажись он в храме.

Недавно, уже в период демократизации и гласности "Правда" писала о возмутительном случае исключения из партии честного и добросовестного работника только за то, что он позволил себе похоронить свою верующую мать по православному обряду. При этом "Правда" метко подчеркнула, что к взяточникам, очковтирателям и ворам у партийных комитетов довольно либеральное отношение. А вот за малейшую "уступку" религии — быстрое и суровое наказание. Тут все герои, сплошная бдительность и возмездие. Словно нюхом чуют чистую душу, неспособную к воровству и обману. "Не наш!" Нет, я не призываю КПСС изменить свой Устав, не требую, чтобы правящая партия начала принимать в свои ряды верующих. В конце концов и культ безбожия заслуживает понимания. Но верующие должны стать действительно полноправными членами общества. Они должны иметь право быть избранными в любые органы власти, включая Верховный Совет СССР. Собственно говоря, они не лишены этого права законом, но лишены — обычаем, установившейся практикой. В социалистической Венгрии священнослужители заседают в парламенте. Иные лекторы объясняют это национальной и исторической спецификой европейской страны. Якобы — мы из Азии, специфики такой не имеем. Не наши ли прадеды заседали на земских соборах и решали миром дела общины?

На январском пленуме М.С.Горбачев выдвинул существенное, по сути революционное положение: "Важное направление демократизации общественной жизни — выдвижение на руководящую работу беспартийных товарищей. Это принципиальный вопрос". В самом деле, демократизация будет пустым звуком, если беспартийные, в том числе — верующие, не будут занимать руководящих постов. Только при взаимном сотрудничестве коммунистов и беспартийных, коммунистов и верующих перестройка может иметь успех. Равноправие верующих с атеистами — залог подлинного обновления нашего общества. Это — гвоздь перестройки. Я уже говорил о честности и добросовестности верующих в труде. Наличие

верующих на руководящих и ответственных постах /наравне с честными партийцами/ создало бы надежный заслон воровству, коррупции и обману. Сама партия, в здоровом соперничестве с верующими, энергичнее очищала бы свои ряды от рвачей и хапуг. Исчезло бы то досадное разделение общества по признаку отношения к религии, которое, как анахронизм гражданской войны, все ещё бытует. Конкретно речь идет об отмене неписанного закона, рутинной практики запрета на руководящие посты, запрета на профессии. Это первое.

Во-вторых, демократизация немыслима без отмены ограничений в сфере информации. Верующие должны получить доступ к радио и телевидению. Генерал Ярузельский считает возможным поздравлять поляков по телевидению с праздником Рождества Христова. У нас не только не поздравят, ни один директор словом не обмолвится про праздник миллионов. Наши госиздательства даже открыточку к православному торжеству не напечатают. Только торговая сеть молчаливо подбрасывает куличи к Пасхе. До чего лицемерно звучат упреки в адрес радиослушателей зарубежных радиостанций! А как же не слушать, когда и "Голос Америки" и "Би-би-си", и проклинаемая "Свобода" передают православную службу, проповеди и библейские тексты? Передвигалась бы Москва, не слушали бы Лондон. У нас порой на больших пространствах нет ни одного действующего храма. Хрущев осужден и сброшен, но закрытая по его капризу Киево-Печерская Лавра и по сей день закрыта, словно в память о волюнтаризме. Если нет храма вблизи, только и уповать на "Америку" с её религиозными передачами.

Большая держава, к которой приковано внимание всего мира, держава, ратующая ежедневно за мир и прогресс, готовая учить и просвещать континенты, боится дать своим верующим крупицу времени на радио и телевидении, дать полосу в печати? Русская Православная Церковь, например, должна иметь свою газету. Лесная промышленность, воздушный транспорт, любая отрасль, любой регион, крупное предприятие — все имеют свою газету. Все, только не Церковь. Время от времени Церкви разрешают высказаться в печати либо против Пентагона, либо против лжи о дискриминации верующих. Сказал, что тебе хорошо, теперь отойди в сторону и стой молча, пока не позовем. Будешь пай-мальчик. Малкий по объему и тиражу "Журнал Московской Патриархии" практически не доступен миллионам православных. А между тем существует потребность далеко не в одном тоненьком журнальчике. Недавно группа верующих напомнила о ничтожности тиражей Библии, богослужебной литературы. Не издаются отдельными книгами богословские сочинения.

Какой номенклатурный чиновник уготовил Церкви только одну роль в обществе: бороться за мир и разоблачать НАТО? А проблемы нравственности? Церковь, чья вечная "специальность" — этика, могла бы успешно искоренять зло в обществе, бороться с нерадивостью в труде, пьянством, эгоизмом, потребительским отношением к жизни. Помимо серьезных научно-богословских журналов Церковь могла бы издавать общедоступный проповеднический журнал, прививая альтруизм и патриотизм, способствуя перестройке. При этом, конечно, кто-то из несуннов и пьяниц обратится к вере. Не здесь ли зарыта собака страха? Точите свой ум и перья, шевелитесь, вооружайтесь в полемике. Вам платят хорошие деньги за пропаганду атеизма, а ваша бездарная пресная макулатура **не** находит покупателя, идет в утиль. Мы осуждаем убыточные колхозы, нерентабельные предприятия и НИИ. И должны баловать тунеядцев от атеизма? Кто искренне убежден в безбожии, кто страстно заинтересован в нем, тому не страшна открытая полемика с верующими, тот найдет свежие слова и доводы в споре с "Церковной газетой", с христианской периодикой. Тот отстоит свое мировоззрение!

Статья 50 Конституции СССР гарантирует свободы: слова, печати, собраний и т.д. "Осуществление этих свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям... возможностью использования печати, телевидения и радио". Бог с ней, с политической свободой. Элементарная духовная свобода религиозного слова, религиозной печати пока у нас не обеспечена так, как этого требует буква Конституции. Впрочем, другая статья более откровенна. Статья 52, гарантирующая свободу совести, то есть "право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду". Следовательно, согласно брежневской конституции, одним разрешено молиться тихонько, другим вести пропаганду против религии, наступать и сечь. Это что, равноправие? Защищаться от атеистической пропаганды, отбиваться от обвинений, порой надуманных и оскорбительных, полемизировать, спорить с атеистами — запрещено?

Откуда вообще взялась эта нервозность, этот болезненный страх религии? Не с той ли эпохи, когда леваки отвергали все оптом: культуру, семью, отечество, государство? Нигилисты давно в могиле, давно в могиле теория свободной любви и обобществленных детей. Идея об отмирании государства сменилась накрепчайшей государственностью. Реабилитирован патриотизм, имя России очищено от плевков, даже Энгельса критиковали за русофобию. И только религия продолжает оставаться под прицелом. Идея отмирания религии — близнец идеи отмирания государства, роскошествует, как бурьян на консервированной строи-

тельстве. "Религия — опиум для народа" — повторяется ежедневно. А рядом, буквально рядом, в том же тексте сказано так: "религия — это сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных порядков". "Сердце бессердечного мира!" Какая любовь, какое сочувствие предлагается взамен? Да мы только и твердим о стрессе, о нервном двадцатом веке. Взаимная ~~а~~ругань и дома и на работе, постоянная грызня, пересуды, зависть. Мы чуточку потеплели от пьянок на производстве. Но до чего же искусственная теплота! Наши лучшие писатели единодушно отмечают кризис честности, рост эгоизма и отчуждения. Пока атеизм не родил собственную сердечность, пусть ненавязчиво сосуществует рядом с бездушным вера, пусть будет она ориентиром нравственности, барьером вседозволенности.

Мир стоит на грани ядерной войны, в которой, по мнению специалистов, не будет победителей. Самого мира не будет, а мы продолжаем хлопотать о полной победе атеизма. Если все мы погибнем атеистами, нам будет легче? М.С.Горбачев справедливо говорит о новом политическом мышлении, о новом мышлении как таковом. Это новое миропонимание означает, естественно, и мир атеизма с верой, мир между коммунистами и христианами. Пора отрешиться от веры в неизбежную гибель веры. Пора понять, что если даже нам посчастливится избежать большой войны, религия достаточно долго будет гнездиться в сердцах человеческих. А разжигать огонь вражды к верующим, значит способствовать большей вражде на планете. Видимая сторона конфликта между Западом и Востоком — это спор идей. Запад обвиняет Восток в зажиме свободы, в особенности — религиозной свободы. Терпимое отношение нашей власти к религии и церкви, установление фактического равноправия атеистов и верующих с допущением последних на руководящие посты и с правом их на информацию и просветительство, станет краеугольным камнем новой, настоящей разрядки напряженности. Лояльное отношение к вере укрепит мир и отдалит человечество от атомного порога. Если сосед не воет со своими домашними, легче ~~ведишь~~ в его мир ^одобие. Суть перестройки — в демократизации. Самым существенным и самым очевидным проявлением демократизма стал бы поворот от политики ограничения и ущемления религии к дружественному диалогу с ней. И атеисты, и верующие — сторонники перестройки. У нас одна Родина. Одна на всех. Её обновление — наша двуединая цель.